

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ,

ПОМѢЩЕННОЙ ВО ВТОРОМЪ № «ВОЕННОГО СБОРНИКА» 1858 Г., «О
ПОЛЪЗѢ ГРАМОТНОСТИ РУССКАГО ВОЙСКА».

Не можетъ быть никакого сомнѣнiя въ пользѣ грамотности нижнихъ чиновъ въ войскахъ, и потому всѣми средствами надо способствовать ея распространенiю. Но сочинитель означенной статьи ничего не выяснилъ, напротивъ затемнилъ вопросъ преувеличенiемъ предполагаемыхъ имъ средствъ къ достиженiю цѣли и пользы, сопровождающей ее.

Если сочинитель имѣлъ въ виду быть сколько нибудь полезнымъ и содѣйствовать рѣшенiю этого вопроса, предложеннаго въ войскахъ и приведеннаго въ дѣло участiемъ начальства, особенно въ гвардiи, то нужно было болѣе вникнуть въ предметъ и изучить его; тогда авторъ не увлекался бы мнимою легкостью исполненiя, и выводы послѣдствiй были бы вѣрнѣе и опредѣлительнѣе. Въ томъ-то и бѣда наша, что мы обо всемъ хотимъ судить, не давая себѣ труда приготовиться къ тому: отъ того и судъ нашъ всегда столько же строгъ, какъ и несправедливъ. Не такъ легко дойти до истинной пользы въ каждомъ дѣлѣ,

какъ намъ кажется. Надо много труда, усилія и средствъ, которыя не всегда зависятъ отъ насъ, а часто отъ обстоятельствъ. Такъ и грамотность въ войскахъ тогда только достигнетъ цѣли, когда усиліямъ высшаго начальства будутъ сознательно способствовать командиры частей и ихъ офицеры. Нужно приложить много труда, терпѣнія и знанія дѣла, а немногіе къ тому способны.

Только тогда можно будетъ преодолѣть всѣ препятствія, когда офицеры сознаютъ необходимость способствовать этому великому дѣлу — распространенію грамотности. Только тогда можно будетъ преодолѣть всѣ затрудненія. Самое исполненіе дѣла ляжетъ всею тяжестью на ближайшихъ начальниковъ, по крайней недостаточности грамотныхъ людей между нижними чинами, которыхъ г. Матвѣевъ опредѣлилъ $\frac{1}{10}$ частью въ ротахъ и эскадронахъ, тогда какъ въ эскадронѣ съ трудомъ можно найти одного, да и то полуграмотнаго, въ должности эскадроннаго квартирмистра, или въ ротахъ каптенармуса, а ежели и найдутся какіе грамотѣи, то, имѣя въ нихъ всегда надобность, ихъ отбираютъ въ полковые и дивизіонные штабы.

Было бы очень утѣшительно, если бы между нашимъ народомъ $\frac{1}{10}$ часть была грамотныхъ, тогда не оставалось бы большихъ заботъ правительству и труда обществу ввести въ народѣ грамотность.

Одна кое-какая грамотность не откроетъ еще «широкихъ воротъ къ истинному образованію», а проложитъ только путь и, открывъ ходъ, будетъ способствовать къ приобрѣтенію просвѣщенія; для начала и то успѣхъ, а время и обстоятельства, расширивъ его, сдѣлаютъ просвѣщеніе свободнымъ, доступнымъ народу, который, выработываясь на этомъ пути, придетъ въ уровень съ другими европейскими народами. Проводники такого направленія должны поступать въ этомъ случаѣ весьма осторожно, чтобы народъ, выдвигаясь впередъ, выносилъ бы съ собой чистоту нрава, сохраняя свою самобытность, выработанную его исторіей.

Не надо преувеличивать пользу грамотности нижнихъ чиновъ. Научась кое-какъ читать и писать (*), солдатъ не сдѣлаетъ

(*) Для начала нельзя больше и требовать.

ся «*смѣшленіе, находчивѣе, развязнѣе и нравственнѣе*»—качества эти приобрѣтаются въ извѣстномъ возрастѣ, когда человѣкъ образуется подѣ влияніемъ обстоятельствъ семейныхъ, народныхъ и мѣстныхъ. Выучившихся грамотѣ на службѣ нельзя смѣшивать и ставить въ сравненіе съ людьми, поступившими на службу грамотными. Они приобрѣли преимущество это въ первой молодости, когда человѣкъ постигаетъ и легко усваиваетъ всѣ впечатлѣнія. При томъ же, грамотные люди поступаютъ на службу преимущественно изъ народныхъ учебныхъ заведеній, дворовыхъ и мѣщанъ, которые по своему положенію, вслѣдствіе образа жизни, бойчѣе, расторопнѣе и сметливѣе, но *никакъ не нравственнѣе*».

Мы нисколько не хотимъ оспаривать пользы грамотности солдатъ, но зачѣмъ обманывать себя и преувеличивать ея размѣры.

Грамотность облегчить нѣсколько память солдата, разовьетъ немного способности, займетъ нѣсколько его досугъ въ свободное время, котораго, правду сказать, у него немного, а особенно у кавалериста. Найдутся и такіе, на которыхъ грамота будетъ дѣйствовать еще благотѣльнѣе, но они будутъ исключеніемъ. Успѣхъ этотъ не «*подниметь духа въ войскѣ*» (*), который, къ чести военной, достаточно развитъ. Это отличительная черта русскаго воина, и намъ нужно заботиться только о сохраненіи ея въ настоящее время преобразованій. Отвѣтственность въ этомъ отношеніи лежитъ на ближайшихъ начальникахъ, которымъ будутъ способствовать высшіе, поддерживая ихъ самостоятельность. Русскій воинъ былъ всегда стоекъ и храбръ.

У насъ до сихъ поръ многіе ошибаются, смѣшивая строгость съ наказаніемъ. Нѣтъ, строгость имѣетъ другое значеніе, и тогда только полезна, когда она достигаетъ цѣли другими, болѣе производительными средствами. Для того она постоянно должна имѣть въ виду подчиненнаго, слѣдить за его дѣйствіями и поступками и настоятельно требовать отъ каждаго строгаго исполненія своей обязанности, прибѣгая ко взысканіямъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Крайность эта рѣже встрѣчается у развитаго и самостоятельнаго начальника, хотя бы онъ былъ одинъ изъ самыхъ строгихъ. Тогда и подчиненный, зная настойчивость на-

(*) Слова сочинителя отмѣчены скобками.

чальника и видя напрасными всё свои попытки, невольно входить въ тѣ предѣлы, въ которые вводитъ его строгая дѣятельность начальника. Подчиненный сначала недоволенъ такой мѣрой, но постепенно свыкаясь, усвоивается съ нею, входить въ требованія начальника, и признавая ихъ слѣдствіями долга и справедливости, привязывается къ нему душою и тѣломъ. Тогда какъ наказанія, раздражая подчиненнаго, вызываютъ борьбу и заставляютъ каждаго упорно употреблять свои средства, а ежели страхъ и дѣйствуетъ иногда на робкаго, то такіе случаи рѣдки въ народѣ смѣломъ и отважномъ.

Въ безнравственности нижнихъ чиновъ и дурномъ поведеніи, положительно, виноватъ ближайшій начальникъ; оно—слѣдствіе равнодушія и слабости его характера. Солдатъ, зная это, пользуется своимъ положеніемъ по своему уразумѣнію и склонности; сперва начинаетъ съ пьянства, а оканчиваетъ воровствомъ. Другіе излишнею строгостью наказанія доводятъ до тѣхъ же послѣдствій.

Ежели солдатъ все получаетъ по положенію, а командиръ заботится улучшить его положеніе хозяйственными мѣрами, то солдатъ достаточно обезпеченъ сравнительно съ своимъ первобытнымъ состояніемъ, и не имѣетъ необходимости спуститься до порока.

Мнѣ случалось видѣть самыя распущенныя части войскъ, которыя, поступая подъ начальство дѣльныхъ командировъ, были исправлены въ самое короткое время, въ продолженіе одного года. Пьянство и воровство были устранены безъ наказанія. Но тутъ употреблялись самыя дѣятельныя мѣры, разумная строгость. Воровство большею частью случается въ мѣстахъ расположенія войскъ по селеніямъ или въ ближайшей къ нему мѣстности. Ежели начальникъ знаетъ, что воровство дѣло рукъ его подчиненныхъ, то при дѣятельныхъ мѣрахъ оно всегда откроется. Тутъ дѣло начальника выяснитъ виновному его поступокъ, безъ наказанія и свидѣтелей, а наказаніе оставить залогомъ къ исправленію въ крайнемъ случаѣ. Если начальникъ сумѣетъ указать виновному важность его преступленія противъ долга службы, чести солдата и христіанина, языкомъ вразумительнымъ, доступнымъ солдату, то такія увѣщанія дойдутъ до солдатскаго сердца и, вызвавши слезу раскаянія, заявятъ поруку за успѣхъ. Но если бы преступленіе повторилось, тогда виновнаго слѣдуетъ

наказать передъ глазами его товарищей. Тутъ не важно наказаніе; на виновнаго болѣе дѣйствуетъ явность, стыдъ передъ товарищами, а особенно, если начальникъ съумѣетъ воспользоваться этимъ положеніемъ, указавъ на такого солдата, какъ на пятно и дурную молву о цѣлой части. Солдатъ, поставленный въ такое положеніе, видитъ, что пьянство и воровство строго преслѣдуются начальникомъ, входящимъ въ бытъ солдата; очень естественно, что такія настойчивыя мѣры останавливаютъ виновнаго и дѣлаютъ его хорошимъ солдатомъ, достойнымъ товарищей.

Если всякій поступокъ сопровождается наказаніемъ, тогда солдатъ, выдержавъ его, считаетъ дѣло поконченнымъ, расплатой, къ которой становится равнодушнымъ, зная, что и другіе подвергнутся тому же, не за то, такъ за другое. Въ службѣ нельзя обойтись безъ ошибокъ, недоразумѣній и шалости, а потому и хорошій солдатъ, подвергаясь такой же участи, развращается. Вотъ почему наказаніе должно употреблять очень разборчиво и въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Оно не исправляетъ виновнаго, а служить страхомъ для другихъ и начальнику точкой опоры въ крайности, и потому, чѣмъ оно рѣже употребляется, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на непривычныхъ, а привыкнуть ко всему можно, и къ страху и къ наказанію.

Встрѣчались и такіе полковые командиры, которые начальниковъ, достигавшихъ цѣли безъ наказанія, называли слабыми командирами. Было время: нельзя ихъ слишкомъ обвинять. Выработавшись только подъ иными впечатлѣніями и при недостаточности образованія, они не понимали порядка и строгости безъ наказанія; съ просвѣщеніемъ, такія исключенія становятся рѣже и рѣже.

Если сочинитель упомянутой статьи употребилъ свой трудъ изъ участія къ пользѣ начатаго дѣла, то та же самая причина заставила меня высказать свое мнѣніе, которое такъ же можетъ вызвать замѣчанія, которыми я охотно воспользуюсь. Если побужденія наши искренни, они недопускаютъ личности, и не дадутъ мѣста самолюбію, иначе мы противорѣчили бы себѣ и видамъ общественной пользы.

Всякая мысль, какъ бы она ни была проста и современна, она тогда только привѣтся и достигнетъ цѣли, когда высказана вѣрно и опредѣлительно.

Обращаюсь къ статьѣ «*О пользѣ грамотности въ войскахъ*». Какое дѣйствіе произведетъ она на офицеровъ, указавъ имъ $\frac{1}{10}$ часть грамотныхъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ихъ едва ли $\frac{1}{100}$? И потому успѣхъ этого предпріятія не такъ простъ и легокъ, какъ думаетъ сочинитель, и трудъ ближайшихъ начальниковъ и офицеровъ принесетъ большую честь преодолѣвшимъ его, и вызоветъ полную признательность Государя и общества, сочувствующаго столь важному дѣлу.

ОПОЛЧЕНЕЦЪ.